

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(2): 902-921
DOI: 10.13187/bg.2022.2.902

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Children in the Composition of the Population of Orenburg according to the Data of the First General Census of the Russian Empire of 1897

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The study of childhood is currently a relatively new area of scientific research. It is carried out within the framework of various approaches (legal, pedagogical, demographic, sociocultural, historical and sociological, etc.), and their main goal is to identify the legal status of the child, the “boundaries” of childhood, educational practices in relation to children, children’s subculture, etc. In many modern studies, the child is viewed as an independent social subject who, like adults, is affected by various social events. These events determine the dynamics of the evolution of childhood, predetermine trends in the development of children in various spheres of their life.

For a comprehensive study of the position of the children in the general composition of society in relatively remote time periods it is necessary to use various types of sources. Statistical materials can be used as one of those types of sources, allowing, through sociographic analysis, to determine the main indicators of the social state of childhood. The materials of the First Russian Imperial Census of 1897 in this context make it possible not only to obtain basic demographic data regarding children as a special social group (its total size, percentage in the total population, etc.), but also to determine the level of children’s literacy, to find out ethnic and confessional composition of children as a group. Comparison of similar indicators for different Russian regions leads the researcher to identification of the regional specifics of childhood.

The identified features of local children’s worlds prove the thesis about the plurality of “childhoods” even in the conditions of one chronological stage and one region. Children from different class, ethnic and confessional groups lived in different conditions, led different lifestyles, had different quality of life.

Keywords: children, childhood, province, sociography, First General Census, Orenburg province.

1. Введение

Обращение к материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (далее – ПВПН РИ) для изучения социографических характеристик ее жителей в настоящее время представляет собой довольно распространенное направление исторических исследований. Разнообразные статистические данные, представленные в этих материалах, дают возможность осуществлять комплексный анализ демографических, социально-экономических, этноконфессиональных процессов в России конца XIX века.

Как правило, использование указанного источника осуществляется в рамках обобщающих трудов, позволяя выделить особенности социумов различных российских регионов (Новосельский, 1916; Рашин, 1956; Вишнеvский, 2005). В качестве объекта исследования в этих работах выступают классы, сословия, поселенческие, этнические и конфессиональные сообщества. Гораздо реже материалы переписи используются в публикациях по гендерной истории (Бурлуцкая (Банникова), 2018). В работах же по истории детства использование указанных сведений практически отсутствует либо носит отрывочный, точечный характер. Дети, как особая поколенческая группа, практически никогда не

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya)

выступали самостоятельным объектом статистических исследований. Показатели, характеризующие социально-экономическое положение детей, представляли собой косвенные результаты различных наблюдений государственной или ведомственной статистики, основным объектом которой было население в целом или другие социальные группы.

В этой связи обобщение данных, касающихся именно социографических характеристик детского сообщества Оренбурга, по данным переписи 1897 г., представляется новым направлением научного поиска. Как отмечают современные исследователи, исторические представления, основанные на данных исторической демографии, «лишаются легендарности и мифологичности и становятся научными и надежными» (Миронов, 2006: 62). Возможность же получения новых объективных сведений о выделенной социальной группе, существенно расширяющих представления о провинциальной детской повседневности рубежа XIX–XX вв. даже в масштабах одного губернского города, подтверждает актуальность осуществленного исследования.

2. Материалы и методы

Основным источником, на который опирается данное исследование, являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи, осуществленной в 1897 г. Данный свод статистических данных разнообразного характера позволяет с помощью использования статистических методов получить не только информацию количественного плана, но и путем сопоставления сведений по разным регионам выявить специфику тех или иных явлений или процессов, происходивших в детском сообществе Оренбурга и других городов Оренбургской губернии.

Для анализа были взяты данные переписи Оренбургской (ПВПН РИ, 1905), Самарской (ПВПН РИ, 1905) и Пермской (ПВПН РИ, 1904) губерний. Самарская губерния, расположенная к западу от Оренбургской, была исторически и территориально связана с Оренбургским краем, она тоже представляла собой регион, через который проходили широкие миграционные потоки, однако отличалась более однородным составом населения и преобладанием населения сельского. Губерния Пермская, как и Оренбургская, относящаяся к числу губерний Урала, напротив, обладала довольно стабильным составом населения и развитой промышленной базой.

В качестве источника, позволяющего с помощью сравнения проследить определенные тенденции в динамике демографических показателей детства, были использованы данные Однодневной переписи населения г. Оренбурга, произведенной 21 декабря 1875 г. (Однодневная перепись, 1878).

Для того чтобы определить особенности детского сообщества Оренбурга, выявить закономерности, в нем существующие, были выбраны методы статистического анализа. Ключевым стал метод группировки и обобщения материалов статистического наблюдения. Сведения, касающиеся тождественных показателей по разным городам Оренбургской губернии и соседних регионов, объединяются в рамках общей системы, позволяющей охарактеризовать группу, объект или явление в целом. Сравнение этих показателей между собой, а также их сопоставление со средними величинами (усредненными данными по Российской империи в целом) как раз и позволяет выйти на обобщающие показатели.

3. Обсуждение

Обращение современных авторов к проблемам демографической структуры российского общества рубежа XIX–XX вв. в основном было связано с исследованиями, посвященными модернизации имперского социума под влиянием Великих реформ (Миронов, 1999) и индустриализации страны (Погребинская, 2008). В этих трудах, как правило, не происходило акцентирования внимания на демографии детского населения, поскольку оно не рассматривалось как производительная сила или как актер социальных процессов.

В то же время, как отмечает Б.Н. Миронов, «историко-демографические исследования в последние 25 лет приобрели особую популярность в мировой историографии». Основную причину историк видит в том, что «демографические данные дают много ценной информации о жизни людей, их благосостоянии, менталитете, поведении, борьбе за выживание, о трудностях, с которыми они повседневно сталкиваются» (Миронов, 2006: 62).

В большинстве современных работ (Qvortrupye et al., 1991; Майорова-Щеглова, Колосова, 2018) детство рассматривается как специфическая социально-демографическая группа, занимающая особое место в социальной структуре общества. Описание и измерение конкретных проявлений социального существования детей стало осуществляться через социографию – эмпирическую социологию, нацеленную на сбор и анализ социальных данных с использованием методов, методик, техники социологического исследования. Анализ социографических характеристик детства позволяет создать социальный профиль выделенной социальной группы с опорой на статистику, измерить различные явления социальной жизни детей.

О социографии детства как о выделении системы социальных показателей, которые измеряются и анализируются, в своей статье рассуждала А.Г. Филипова (Филипова, 2010). Ею были определены (правда, в отношении современного детства) 6 групп интегральных показателей

социального состояния детства: 1) показатель демографии (доля детей в общей численности населения; численность детей, родившихся за год; численность детей в разных возрастных группах; данные о детской смертности и пр.); 2) показатель материального положения семьи; 3) показатель здоровья; 4) показатель образования и досуга; 5) показатель девиантности; 6) показатель социальной поддержки. По мнению автора, «региональная социография детства позволяет выявлять специфические проблемы детства в регионе, сопоставлять количественные характеристики детства разных регионов» (Филипова, 2010: 102).

Практики и методики, разработанные названными исследователями в отношении детей и детства, дают возможность применить их не только для изучения процессов, происходящих в современном детском социуме, но и распространить их на более ранние хронологические периоды. В рамках статьи часть показателей социального состояния детства будет исследована в отношении детей провинциального губернского города конца XIX века.

4. Результаты

Начиная разговор о детях в условиях губернского города конца XIX в., следует, в первую очередь, выявить размеры данной социальной группы и определить ее долю в общей численности городского населения.

Таблица 1. Дети в составе городского населения, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: XIV, 1, 6; ПВПН РИ 1904: 1, 10; ПВПН РИ 1905а: 1, 6)

Город	Число детей до 1 года				Число детей от 1 года до 9 лет			
	душ мужского пола	в % от общего числа детей мужского пола этого возраста в городах губернии	душ женского пола	в % от общего числа детей женского пола этого возраста в городах губернии	душ мужского пола	в % от общего числа детей мужского пола этого возраста в городах губернии	душ женского пола	в % от общего числа детей женского пола этого возраста в городах губернии
Оренбург	1 316	47,63 %	1 259	45,13 %	6 194	44,54 %	6 522	43,99 %
Число детей обоюбого пола до 9 лет, душ обоюбого пола								
15 291								
В % от общего числа горожан								
21,11 % от 72 425								

Орск	273	9,98 %	273	9,78 %	1 439	10,35 %	1 614	10,89 %	3 599	25,68 % от 14 016
Челябинск	340	12,31 %	311	11,15 %	1 567	11,27 %	1 841	12,42 %	4 059	20,30 % от 19 998
Троицк	365	13,21 %	401	14,37 %	1 964	14,12 %	2 145	14,47 %	4 875	20,92 % от 23 299
Самара	1 456	53,04 %	1 509	53,4 %	6 834	50,79 %	6 979	51,57 %	16 778	18,64 % от 89 999
Пермь	562	25,08 %	543	25,02 %	3 350	24,9 %	3 486	25,03 %	7 941	17,57 % от 45 205

Во всех городах Оренбургской губернии, включая Илецкую Защиту и Верхнеуральск, по данным Переписи, проживали 16 669 душ мужского пола от 0 до 9 лет и 17 615 душ женского пола этого же возраста. Общее число горожан в губернии составляло 152 557 душ обоего пола (ПВПН РИ, 1905: XIV). Соответственно, дети от 0 до 9 лет (34 284 чел.) составляли среди городских жителей губернии 22,47 %.

Число детей в городах Самарской губернии составляло: до 1 года – 2 745 душ мужского пола и 2 826 душ женского пола. Детей от 1 года до 9 лет в городах губернии насчитывалось 13 456 мальчиков и 13 533 девочки (ПВПН РИ, 1905: 6). Общее число горожан в Самарской губернии составляло 158 842 души обоего пола (ПВПН РИ, 1905: 1). Значит, дети от 0 до 9 лет (32 560 чел.) в этом числе занимали 20,5 %.

В городах Пермской губернии детей до года насчитывалось 2 241 душа мужского пола и 2 170 душ женского пола. Детей от 1 года до 9 лет – 13 452 и 13 929 душ соответственно (ПВПН РИ, 1904: 10). Общее число горожан в Пермской губернии составляло 179 339 душ обоего пола (ПВПН РИ, 1904: 1). Следовательно, детей от 0 до 9 лет (31 792 чел.) насчитывалось 17,74 %.

Таким образом, Оренбургская губерния лидировала в этом контексте и по числу детей, и по процентному соотношению детей до 9 лет в общем числе горожан. Как следует из данных Таблицы 1, в Оренбургской губернии именно Оренбург был средоточием максимального числа детей до 9 лет как в числовом, так и в процентном соотношении. В сравнении с другими губернскими столицами, Оренбург немного уступал Самаре по числу детей этого возраста, но превосходил ее по доле детей 0–9 лет в общей численности городского населения. В отношении Перми Оренбург лидировал по обоим показателям.

В книге А.Г. Рашина «Население России за 100 лет (1813–1913)» были приведены данные по Европейской России, касающиеся распределения населения по полу и возрасту. Согласно этим сведениям, дети моложе 1 года в городах составляли 2,7 % населения, а дети от года до 9 лет – 17 % (Рашин, 1956: 265), то есть среди городского населения Европейской России детей до 9 лет насчитывалось в среднем 19,7 %. Исходя из этих показателей, можно констатировать, что в городах Оренбургской губернии детей указанного возраста насчитывалось в процентном отношении немного больше, чем в среднем по стране.

Дети до 1 года составляли в Оренбурге 3,6 % населения, а дети от 1 до 9 лет – 17,6 % (т.е. немного больший процент, чем в среднем по империи). Если сравнить эти данные со сведениями Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. (Однодневная перепись, 1878: 8, Таб. 14), то окажется, что несмотря на то, что детей в возрасте 0–9 лет на тот момент в Оренбурге насчитывалось всего 8 347 (т.е. почти в два раза меньше, чем через 22 года), их доля в составе городских жителей была примерно такой же, как и в 1897 г., 22,5 % (против 21,2 %). Процент детей в составе городского населения составлял для детей до 1 года 3,8 % (1 415 из 36 992 д. об. п.), а для детей 1–9 лет – 18,7 % (6 932 из 36 992 д. об. п.). Увеличение абсолютного числа детского населения Оренбурга к 1897 г.

было связано с почти двукратным ростом общего числа горожан (от 36 992 до 72 425 д. об. п.), вызванным открытием железнодорожного сообщения с центральными районами империи.

По мнению отечественного демографа П.И. Куркина, уровень рождаемости, существующий на рубеже XIX–XX в., «чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства. Наоборот, потери так велики, что при самом широком производстве здесь получается совершенно малый прирост» (Курукин, 1902: 87). Таким образом, можно предположить, что большой процент детей в общем числе населения Оренбурга был вызван высоким уровнем рождаемости, обусловленным, в свою очередь, высоким уровнем смертности. Именно об этом говорил, например, А.Г. Вишнеvский, называвший высокую рождаемость «непременным условием выживания населения» (Вишнеvский, 1977: 106).

Авторы конца XIX в., анализирувавшие рождаемость в Оренбурге, обращали внимание именно на ее высокие показатели. Большой коэффициент рождаемости в губернской столице объяснялся ими, в первую очередь, высокой смертностью детей в первые месяцы жизни. Большая смертность детей раннего возраста сокращала период грудного вскармливания, что делало, по сути, только что родившую женщину способной к новому зачатию (Кенигсберг, 1886: 105).

Данные о распределении детей до 1 года по возрасту по месяцам (Таблица 2) дает исследователям интересный материал, позволяющий рассуждать о динамике детской смертности в первый год жизни. Так, например, если смотреть на соотношение мальчиков и девочек в каждой выделенной возрастной группе, то практически в каждом городе среди младенцев младше одного месяца наблюдалось преобладание мальчиков над девочками, что в целом соответствовало стандартной структуре рождаемости. Однако, например, в Самаре уже с возраста 1 месяца число девочек начинало превосходить число мальчиков. Это означало, что смертность среди младенцев мужского пола была выше. В Троицке преобладание числа младенцев мужского пола над числом младенцев женского пола сохранялось примерно до 4 месяцев. В Оренбурге и Орске не удалось выделить какого-то «переломного» в данном контексте возраста – соотношение мальчиков и девочек по месяцам жизни изменялось бессистемно. В Челябинске же практически в каждой возрастной группе, за исключением самой младшей, девочек было меньше, чем мальчиков. Преобладание мальчиков над девочками наблюдалось и в Перми.

Таблица 2. Дети моложе 1 года, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 16-17; ПВПН РИ 1904: 32-33; ПВПН РИ 1905а: 18-19)

		Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Самара	Пермь
Менее месяца	м	114	30	26	49	156	70
	д	110	18	38	42	141	68
1 месяц	м	135	39	41	59	125	60
	д	150	53	31	53	160	58
2 месяца	м	115	29	36	37	117	50
	д	92	24	30	46	135	41
3 месяца	м	130	22	46	39	140	52
	д	131	23	32	35	158	62
4 месяца	м	108	23	29	37	132	52
	д	92	18	28	34	142	43
5 месяцев	м	120	16	28	16	124	40
	д	99	13	19	28	125	42
6 месяцев	м	194	43	32	52	172	67
	д	166	52	41	55	162	56
7 месяцев	м	70	19	22	13	93	43
	д	89	18	18	24	114	46
8 месяцев	м	95	19	26	11	134	34
	д	86	17	21	26	114	33
9 месяцев	м	72	11	20	13	85	34
	д	81	13	23	24	90	30
10 месяцев	м	95	12	18	23	105	32
	д	103	14	19	11	98	30
11 месяцев	м	63	10	15	14	70	28
	д	57	10	11	20	70	34
Неизвестного возраста	м	5	-	1	2	3	-
	д	3	-	-	3	-	-

Число младенцев, судя по данным таблицы, иногда довольно резко снижалось к определенному возрасту. Так, например, в Оренбурге младенцев 6 месяцев обоого пола насчитывалось 360, а 7 месяцев – только 159 (т.е. почти в два раза меньше). В Орске наблюдалась та же картина: 6-месячных детей в городе было 95, а 7-месячных – только 37. В Челябинске эти показатели составили 73 и 40, а в Троицке – 107 и 37 соответственно. В Самаре наиболее серьезное изменение численности младенцев наблюдалось между 8 и 9 месяцами (248 и 175 младенцев), хотя оно и не носило такого ярко выраженного характера, как в городах Оренбургской губернии. А в Перми движение детского населения от месяца к месяцу было очень плавным, без резких перепадов.

Можно предположить, что в городах Оренбургской губернии после полугода матери решали отнимать детей от груди, чтобы быть более свободными в плане хозяйства, переводили младенцев на прикорм, что крайне негативно влияло на их здоровье и часто приводило к смерти. Об этих традициях писал в своем труде оренбургский врач М.М. Кенигсберг. Наибольшее влияние на детскую смертность оказывал, по его мнению, «способ питания и ухода за детьми»: искусственное кормление коровьим молоком и «суррогатами детской пищи» получило в Оренбургской губернии второй половины XIX столетия огромное развитие. «Детскую соску, жевку с их спутниками можно встретить сплошь и рядом и у зажиточных людей, несмотря даже на одновременное кормление, другой раз, и грудью. Трудность доставления здесь кормилиц, зависящая от относительной обеспеченности массы населения, заставляет еще чаще прибегать к искусственному вскармливанию, что при умственном убожестве родителей становится в их руках истым орудием смерти нежных детских организмов» (Кенигсберг, 1886: 149). В итоге в Оренбурге на первом году жизни из 100 родившихся умирали 36,69 детей (Кенигсберг, 1886: 141). Более подробные сведения о детской смертности в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в. содержатся в одной из публикаций автора данной статьи (Бурлуцкая (Банникова), 2017).

Ситуация, которая была зафиксирована Переписью 1897 г., кстати, полностью соответствовала данным Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. Согласно им, младенцев 6 месяцев в городе насчитывалось 157, а 7 месяцев – 71, т.е. более чем в два раза меньше (Однодневная перепись, 1878: Таб. 14). Этот факт может служить косвенным подтверждением нашего предположения о существующей в Оренбургской губернии практике перевода полугодовалых младенцев на прикорм и связанным с этой практикой ухудшением физического здоровья детей.

Показатели грамотности среди детей также представляют достаточно интересную картину. Согласно данным А.Г. Рашина, среди городского населения в возрасте менее 10 лет процент грамотных мальчиков составлял 11,2 %, девочек – 9 % (Рашин, 1956: 297). Для Оренбурга, в котором дети 0–9 лет составляли 15 291 человек (7 510 мальчиков и 7 781 девочка), а число грамотных детей этого возраста составило 724 мальчика и 660 девочек (ПВПН РИ, 1905: 10), уровень грамотности составил 9,64 % среди мальчиков и 8,48 % среди девочек. Это было чуть меньше, чем средние показатели по империи. В Самаре, где мальчиков 0–9 лет насчитывалось 8 290, а девочек – 8 488, грамотных же среди них было 679 (8,2 %) и 576 (6,8 %) (ПВПН РИ, 1905: 10), т.е. еще меньше. В Перми, где проживало 3 912 мальчиков и 4 029 девочек в возрасте от 0 до 9 лет, грамотными среди них были 493 мальчика (12,6 %) и 524 девочки (13 %) (ПВПН РИ, 1904: 14), что превышало среднероссийские показатели (особенно явно это превышение наблюдалось среди грамотных девочек).

Таблица 3. Детская грамотность, по данным ПВПН РИ 1897 г.

	5 лет		6 лет		7 лет		8 лет		9 лет		10 лет		11 лет		12 лет	
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
Города Оренбургской губернии (ПВПН РИ, 1905: 8)																
Всего городское население	1317	1377	1364	1476	1371	1491	1464	1621	1472	1562	1643	1499	1571	1511	2084	1866
В том числе грамотного	22 1,7 %	20 1,5 %	57 4,2 %	65 4,4 %	143 10,4 %	164 11 %	420 28,7 %	387 23,9 %	751 51 %	585 37,5 %	1068 65 %	707 47,2 %	1121 71,4 %	828 54,8 %	1544 74,1 %	994 53,3 %

Оренбург (ПВПН РИ, 1905: 10)	
Всего городского населения	543
В том числе грамотного	5 0,9%
Всего городского населения	591
В том числе грамотного	10 1,7%
Всего городского населения	559
В том числе грамотного	27 4,8%
Всего городского населения	621
В том числе грамотного	45 7,2%
Всего городского населения	589
В том числе грамотного	82 13,9%
Всего городского населения	616
В том числе грамотного	77 12,5%
Всего городского населения	668
В том числе грамотного	228 34,1%
Всего городского населения	709
В том числе грамотного	196 27,6%
Всего городского населения	646
В том числе грамотного	382 59,1%
Всего городского населения	742
В том числе грамотного	332 44,7%
Всего городского населения	733
В том числе грамотного	561 76,5%
Всего городского населения	695
В том числе грамотного	375 54%
Всего городского населения	736
В том числе грамотного	578 78,5%
Всего городского населения	733
В том числе грамотного	447 61%
Всего городского населения	972
В том числе грамотного	784 80,7%
Всего городского населения	837
В том числе грамотного	538 64,3%
Челябинск (ПВПН РИ, 1905: 14)	
Всего городского населения	178
В том числе грамотного	9 5,1%
Всего городского населения	205
В том числе грамотного	4 2%
Всего городского населения	147
В том числе грамотного	6 4,1%
Всего городского населения	195
В том числе грамотного	7 3,4%
Всего городского населения	150
В том числе грамотного	13 8,7%
Всего городского населения	183
В том числе грамотного	22 12%
Всего городского населения	175
В том числе грамотного	65 37,1%
Всего городского населения	212
В том числе грамотного	60 28,3%
Всего городского населения	179
В том числе грамотного	100 55,9%
Всего городского населения	184
В том числе грамотного	73 39,7%
Всего городского населения	223
В том числе грамотного	149 66,8%
Всего городского населения	187
В том числе грамотного	95 50,8%
Всего городского населения	185
В том числе грамотного	142 76,8%
Всего городского населения	173
В том числе грамотного	102 59%
Всего городского населения	217
В том числе грамотного	166 76,5%
Всего городского населения	194
В том числе грамотного	103 53,1%
Троицк (ПВПН РИ, 1905: 14)	
Всего городского населения	187
В том числе грамотного	7 3,9%
Всего городского населения	191
В том числе грамотного	2 1%
Всего городского населения	230
В том числе грамотного	11 4,8%
Всего городского населения	234
В том числе грамотного	11 4,7%
Всего городского населения	203
В том числе грамотного	30 14,8%
Всего городского населения	244
В том числе грамотного	30 12,3%
Всего городского населения	216
В том числе грамотного	62 28,7%
Всего городского населения	243
В том числе грамотного	66 27,2%
Всего городского населения	247
В том числе грамотного	132 53,4%
Всего городского населения	241
В том числе грамотного	87 36,1%
Всего городского населения	279
В том числе грамотного	176 63,1%
Всего городского населения	274
В том числе грамотного	133 48,5%
Всего городского населения	263
В том числе грамотного	199 75,7%
Всего городского населения	245
В том числе грамотного	139 56,7%
Всего городского населения	379
В том числе грамотного	266 70,2%
Всего городского населения	320
В том числе грамотного	163 50,9%
Самара (ПВПН РИ, 1905а: 10)	
Всего городского населения	588
В том числе грамотного	8 1,4%
Всего городского населения	605
В том числе грамотного	5 0,8%
Всего городского населения	592
В том числе грамотного	34 5,7%
Всего городского населения	674
В том числе грамотного	28 4,2%
Всего городского населения	708
В том числе грамотного	103 14,5%
Всего городского населения	715
В том числе грамотного	70 9,8%
Всего городского населения	775
В том числе грамотного	188 24,3%
Всего городского населения	771
В том числе грамотного	145 18,7%
Всего городского населения	691
В том числе грамотного	346 50%
Всего городского населения	761
В том числе грамотного	328 43,1%
Всего городского населения	751
В том числе грамотного	537 71,5%
Всего городского населения	789
В том числе грамотного	465 58,9%
Всего городского населения	800
В том числе грамотного	647 80,9%
Всего городского населения	794
В том числе грамотного	556 70%
Всего городского населения	912
В том числе грамотного	758 83,1%
Всего городского населения	994
В том числе грамотного	698 70,2%
Пермь (ПВПН РИ, 1904: 14)	
Всего городского населения	354
В том числе грамотного	0
Всего городского населения	366
В том числе грамотного	0
Всего городского населения	387
В том числе грамотного	53 13,7%
Всего городского населения	392
В том числе грамотного	56 14,3%
Всего городского населения	340
В том числе грамотного	67 19,7%
Всего городского населения	352
В том числе грамотного	76 21,6%
Всего городского населения	309
В том числе грамотного	147 47,6%
Всего городского населения	367
В том числе грамотного	186 50,7%
Всего городского населения	306
В том числе грамотного	226 73,9%
Всего городского населения	287
В том числе грамотного	206 71,7%
Всего городского населения	326
В том числе грамотного	283 86,8%
Всего городского населения	343
В том числе грамотного	284 82,8%
Всего городского населения	334
В том числе грамотного	307 91,9%
Всего городского населения	368
В том числе грамотного	308 83,7%
Всего городского населения	415
В том числе грамотного	391 94,2%
Всего городского населения	419
В том числе грамотного	351 83,8%

В целом по городам Оренбургской губернии в возрастной группе от 7 до 14 лет процент грамотных мальчиков составлял 58,72 %, девочек – 42,08 %. Это было примерно в 1,7 раза больше, чем процент грамотных мальчиков и в 2,5 раза больше, чем процент грамотных девочек вообще по губернии (ПВПН РИ, 1905: XVII).

В Оренбурге процент грамотных детей был несколько выше, чем тот же показатель в среднем по всем городам губернии (за исключением мальчиков 5 лет). Если в младшем возрасте (до 6 лет)

процент грамотных девочек немного превышал процент грамотных мальчиков, то, начиная с 7 лет наблюдалась обратная ситуация. Разница могла достигать от 1,4 % (для 7 лет) до 22,5 % (10 лет). Ситуация, по-видимому, объяснялась тем, что, начиная с 7–8 лет многие дети поступали в учебные заведения, которые преимущественно были предназначены для мальчиков. Интересно, что в материалах Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. 7-летний возраст был обозначен в качестве «предела, определяющего возможность грамотности» (Однодневная перепись, 1878: 44).

В Челябинске, Троицке, как и в Самаре, впрочем, процент грамотных девочек практически в любом детском возрасте был несколько ниже, чем процент грамотных мальчиков. Возможно, Оренбург, как средоточие дворян и чиновников, таким образом демонстрировал возможности домашнего девичьего обучения. В дворянских семьях девочек, как быстрее развивающихся в младшем возрасте, начинали обучать грамоте раньше, чем мальчиков. В целом среди детей Оренбурга в возрасте от 6 до 12 лет грамотность была несколько выше, чем, например, в Челябинске или Троицке.

К 1897 г. в Оренбурге существовали пять приходских училищ для мальчиков и четыре приходских училища для девочек. К 1903 г. их число достигло 9 училищ для мальчиков и 6 – для девочек (Столпянский, 1908: 319). С 1886 по 1903 гг. через городские школы в Оренбурге прошло 16 383 мальчика и 9 807 девочек. За эти же 18 лет число учеников-мальчиков увеличилось вдвое, а учениц-девочек – в 3 ¼ раза (Столпянский, 1908: 321).

По сравнению с Самарой, в Оренбурге детская грамотность была немного выше среди девочек в возрасте от 5 до 9 лет. Разница составляла от 0,9 % (5 лет) до 8,9 % (8 лет). Затем ситуация менялась на противоположную. Для мальчиков ситуация в этих двух городах была примерно схожа. Только в восьми- и девятилетнем возрасте процент грамотных маленьких оренбуржцев оказался на 9–10 % больше, чем грамотных маленьких самарцев.

Преобладание грамотных девочек над грамотными мальчиками демонстрировала, согласно данным таблицы 3, и Пермь. Там приоритет девочек над мальчиками сохранялся вплоть до 8-летнего возраста. В целом процент грамотного детского населения в Перми был гораздо выше, чем в Самаре и в Оренбурге. Разница с Оренбургом могла достигать от 5,8 % (мальчики 7 лет) до 28,8 % (девочки 10 лет). Пермь была довольно старым купеческим городом, с развитой промышленностью, с устоявшимся городским сообществом, в среде которого ценность образования имела очень высокий статус. Система народного образования в Перми имела давнюю и вполне успешную историю. В Пермской губернии была развита система горнозаводских школ, ведущих свою историю еще с XVIII века.

Кроме того, в городе действовал ряд учебных заведений, предназначенных именно для девочек: с 1824 г. – начальная школа для воспитанниц Приказа общественного призрения («девичье училище» при Пермском воспитательном доме), несколько платных частных пансионов, с 1860 г. – женское училище 1-го разряда (Мариинская женская гимназия), с 1881 г. – Александровская прогимназия (Нечаев, 2008). С 8 лет примерно половина девочек и мальчиков, живущих в городе, начинали обучаться грамоте в учебных заведениях, вследствие чего к 12-летнему возрасту процент грамотных достигал среди мальчиков 94,2 %, а среди девочек – 83,8 %.

Распределение грамотных детей (до 10 лет, согласно имеющимся сведениям) по сословиям зафиксировано в Таблице 4.

Таблица 4. Распределение детей до 10 лет по грамотности и по сословиям, по данным ПВПН РИ 1897 г.

	Всего детей		Из них неграмотные		Из них грамотные (чел./% от общего числа детей)		Обучаются в средних учебных заведениях (чел. / % от общего числа детей)		Обучаются в средних военных учебных заведениях
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М

Оренбург (ПВПН РИ, 1905: 36-43)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	613	585	456	414	157 25,6 %	171 29,2 %	14 2,3 %	11 1,9 %	6
Лица духовного звания	66	63	55	51	11 16,7 %	12 19 %	0	0	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	4 598	4 915	4 222	4 569	376 8,2 %	346 7 %	21 0,5 %	17 0,3 %	3
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	2 095	2 077	1 934	1 961	161 7,7 %	116 5,6 %	3 0,1 %	1 0,05 %	0
Иностранцы	16	12	16	12	0	0	0	0	0
Иные	62	73	54	65	8 12,9 %	8 11 %	1 1,6 %	0	0
Иностранные подданные	60	56	49	49	11 18,3 %	7 12,5 %	1 1,7 %	0	0
Всего	7 510	7 781	6 786	7 121	724 9,6 %	660 8,5 %	40 0,5 %	29 0,4 %	9
Самара (ПВПН РИ, 1905: 36-41)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	530	500	415	383	115 21,7 %	117 23,4 %	4 0,8 %	23 4,6 %	1
Лица духовного звания	73	61	53	44	20 27,4 %	17 27,9 %	2 2,7 %	1 1,6 %	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	4 211	4 295	3 863	3 982	348 8,3 %	313 7,3 %	3 0,07 %	24 0,6 %	0
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	3 371	3 526	3 182	3 410	189 5,6 %	116 3,3 %	0	2 0,06 %	0

Инородцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Иные	78	85	74	75	4 5,1%	10 11,8%	0	0	0
Иностранные подданные	27	21	24	18	3 11,1%	3 14,3%	0	2 9,5%	0
Всего	8 290	8 488	7 611	7 912	679 8,2%	576 6,8%	9 0,1%	52 0,6%	1
Пермь (ПВПН РИ, 1904: 60-65)									
Дворяне, потомственные и личные, чиновники не из дворян	476	501	347	368	129 27,1%	133 36,1%	16 3,4%	28 7,6%	0
Лица духовного звания	48	51	36	38	12 25%	13 25,5%	1 2,1%	3 7,9%	0
Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия	1 500	1 533	1 293	1 314	207 13,8%	219 14,3%	16 1,1%	24 1,6%	0
Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)	1 848	1 882	1 707	1 742	141 7,6%	140 7,4%	4 0,2%	2 0,1%	0
Инородцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Финляндские уроженцы	1	0	1	0	0	0	0	0	0
Иные	31	52	29	36	2 6,5%	16 30,8%	0	2 3,8%	0
Иностранные подданные	8	10	6	7	2 25%	3 30%	1 12,5%	2 20%	0

Всего	3 912	4 029	3 418	3 505	493 12,6 %	524 13 %	38 1 %	61 1,5 %	0
--------------	--------------	--------------	--------------	--------------	----------------------	--------------------	------------------	--------------------	----------

Среди грамотных детей до 10 лет в Оренбурге в дворянско-чиновничьей среде и в среде духовенства преобладали (примерно на 2,5 %) девочки. Это подтверждает версию о хорошем домашнем девичьем образовании в среде указанных сословий. В остальных сословиях было немного больше грамотных мальчиков. Среди обучающихся в средних учебных заведениях мальчиков также было несколько больше, хотя в целом процент обучающихся от общего числа детей и среди девочек, и среди мальчиков был примерно одинаковым. В Оренбурге, как важном военно-стратегическом центре, 9 мальчиков (6 дворян или чиновников и 3 горожан) обучались в военных учебных заведениях. С 1825 г. в городе действовало Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 г. в Неплюевский кадетский корпус. В 1887 г. в Оренбурге на базе школы военных кантонистов был открыт 2-й кадетский корпус для обучения детей офицеров и чиновников, служащих в Туркестанском военном округе и Закаспийской области.

Всего к 1890 г. в Оренбурге, согласно сведениям, содержащимся в работе В.С. Болодурина, насчитывалось 33 учебных заведения, в том числе 1 мужская и 1 женская гимназии, 2 кадетских корпуса, 1 женская прогимназия, 1 Николаевский женский институт (Болодурин, 2000: 25-26).

В Самаре, взятой для сравнения, в семьях дворян и чиновников грамотных девочек, так же, как и в Оренбурге, было немного больше, чем мальчиков. В семьях лиц духовного звания соотношение между мальчиками и девочками, владеющими грамотой, было одинаковым. В среде городских и сельских сословий по грамотности слегка лидировали мальчики. А вот среди иностранцев и лиц «иных» сословий вновь преобладали грамотные девочки, как и среди обучающихся в средних учебных заведениях (за исключением семей духовенства). В военном учебном заведении обучался только один мальчик из среды дворян и чиновников.

Очень интересная ситуация сложилась в Перми, где во всех сословиях, за исключением сельских, среди грамотных детей и детей, обучающихся в средних учебных заведениях, в возрасте до 10 лет преобладали девочки. Причем это преобладание было весьма существенным и достигало 5 % среди иностранных подданных, 9 % среди дворян и чиновников и 24,3 % среди «иных» сословий по грамотности и 0,5 % среди городских сословий, 4,2 % среди дворян, 3,8 % среди «иных» сословий, 5,8 % среди духовенства и 7,5 % среди иностранных подданных по обучающимся в средних учебных заведениях. Обучающихся в военных учебных заведениях среди детей Перми не наблюдалось. В целом в Уральском регионе Пермь являлась бесспорным лидером по уровню грамотности населения.

Распределение детей по родному языку демонстрирует Таблица 5.

Таблица 5. Распределение детей до 10 лет по родному языку в Оренбурге, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 84, 88)

Язык	Дети до 1 года		Дети 1–9 лет							
	м	д	Всего		Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Получивших образование выше начального	
			м	д	м	д	м	д	м	д
Русский, в т.ч.	1 031	983	4 834	5 220	519	509	2	1	47	28
великорусский	1 025	978	4 805	5 184	518	506	2	1	47	28
малорусский	5	5	26	36	1	3	0	0	0	0
белорусский	1	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Польский	3	1	24	19	4	6	0	0	2	0
Остальные славянские	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0

Литовско-латышские	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Немецкий	3	7	35	43	5	6	1	0	0	0
Остальные германские	0	0	3	0	1	0	0	0	0	0
Остальные индо-европейские	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0
Еврейский	22	14	123	112	12	12	12	0	0	1
Финские, в т.ч.	12	11	72	64	3	1	0	0	0	0
мордовский	12	11	70	63	2	1	0	0	0	0
Турецко-татарские, в т.ч.	245	242	1 096	1 063	9	8	107	88	0	0
татарский	221	217	955	955	7	8	99	84	0	0
башкирский	21	23	110	90	2	0	5	4	0	0
тептярский	0	1	2	2	0	0	0	0	0	0
чувашский	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0
киргизский	2	0	13	10	0	0	0	0	0	0
ВСЕГО	1 316	1 259	6 194	6 522	553	542	122	89	49	29

Данные [Таблицы 5](#) демонстрируют весьма пестрый этнический состав населения города с большим числом представителей этносов-носителей «турецко-татарских» языков. Для детей до 1 года родным скорее является тот, на котором говорили родители, поэтому подробно анализировать эту группу детского населения не станем. В составе детей 1-9 лет преобладали русскоязычные, составляющие 79,1 % от общего числа. Относительно большие группы составляли дети, для которых родными были татарский (15,02 %), башкирский (1,6 %), еврейский (1,8 %) и мордовский (1,05 %) языки. Русскоязычных детей, которые владели бы грамотой на других языках, было совсем мало, всего трое. Зато в среде иноязычного населения было довольно много билингов: среди 235 детей евреев 24 (10,2 %) были грамотны «по-русски» и 12 (5,1 %) – на других языках, а среди 1 910 детей татар – 15 (0,8 %) знали русскую грамоту и 183 (9,6 %) умели читать и писать на других языках. Всего в Оренбурге нерусских детей 1–9 лет, знающих русскую грамоту, насчитывалось 67 человек (0,5 %), а детей, владеющих чтением и письмом на других, в том числе и своих родных нерусских языках – 211 (1,7 %).

Таблица 6. Распределение детей до 10 лет по родному языку в Самаре, по данным ПВПН РИ 1897 г. ([ПВПН РИ, 1905: 96](#))

Язык	Дети до 1 года		Дети 1–9 лет							
	м	д	Всего		Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Получивших образование выше начального	
			м	д	м	д	м	д	м	д
Русский, в т.ч.	1 369	1 423	6 370	6 542	595	491	0	0	10	49
великорусский	1 367	1 416	6 358	6 522	593	489	0	0	10	49
малорусский	2	7	11	18	1	2	0	0	0	0
белорусский	0	0	1	2	1	0	0	0	0	0
Польский	7	5	49	56	10	5	1	0	0	1

Остальные славянские	0	0	5	2	0	0	0	0	0	0
Литовско-латышские	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Романские	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0
Немецкий	12	11	73	74	12	9	0	1	0	2
Остальные индо-европейские	0	0	2	4	0	0	0	0	0	0
Еврейский	13	15	115	108	27	13	4	0	0	0
Финские, в т.ч.	8	8	43	37	4	2	0	0	0	0
эстский	1	2	13	7	3	2	0	0	0	0
мордовский	7	6	29	30	1	0	0	0	0	0
Турецко-татарские, в т.ч.	47	47	174	153	6	1	10	2	0	0
татарский	46	45	168	149	6	1	10	2	0	0
башкирский	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0
чувашский	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
туркменский	1	2	4	1	0	0	0	0	0	0
Не указавшие языка	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Всего	1 456	1 509	6 834	6 979	654	521	15	3	10	52

Для сравнения была взята Самара (Таблица 6). По сравнению с Оренбургом, этнолингвистический состав населения города был более сбалансированным. В нем сосуществовали как носители европейских языков, так и те, кто говорил на языках стран Азии.

В составе детей 1–9 лет преобладали русскоязычные, составляющие 93,5 % от общего числа. Относительно большие группы составляли дети, для которых родными были татарский (2,3 %), еврейский (1,6 %), немецкий (1,1 %), польский (0,8 %) языки. Русскоязычных детей, которые владели бы грамотой на других языках, в городе не было. Среди 317 детей, для которых родным был татарский язык, семеро (2,2 %) знали русскую грамоту и 12 (3,8 %) умели читать и писать на других языках. Среди 223 детей-евреев с русской грамотой были знакомы 40 (17,9 %), а с грамотой других языков – четверо (1,8 %). Из 105 детей-поляков с русской грамотой были знакомы 15 (14,3 %), а на других языках умел читать и писать всего один.

Всего в Самаре нерусских детей 1-9 лет, знающих русскую грамоту, насчитывалось 89 человек (0,6 %), а детей, владеющих чтением и письмом на других, в том числе и своих родных нерусских языках, – 18 (0,1 %).

Сопоставить сведения о родном языке с данными о вероисповедании детей позволяет Таблица 7.

Согласно данным таблицы 7, в Оренбурге дети 0–9 лет православного и единоверческого вероисповеданий составили 11 860 чел. (77,56 % от общего числа детей этого возраста). Еще 344 ребенка (2,25 %) исповедовали старообрядчество или уклонялись от православия. При этом русскоязычные дети составили 12 068 детей (78,92 % от общего числа детей 0–9 лет).

Дети магометанского вероисповедания составили 2 655 человек (17,36 %), а дети, говорящие на «турецко-татарских» языках – 2 646 человек (17,30 %). Разница между этими группами составила всего 9 человек и пришлась на мальчиков 1–9 лет (т.е. кто-то из них, будучи мусульманином, считал родным какой-то другой язык).

Дети-иудеи составляли 283 человека (1,85 %), а дети-евреи – 271 человек (1,77 %). Т.е. кто-то из исповедующих иудаизм (12 человек) родным языком считал язык «не еврейский».

Не менее интересно проследить и семейное положение детей. Так, по сведениям Переписи по Оренбургской губернии, среди детей менее 10 лет насчитывалось состоящих в браке 22 мальчика и 44 девочки, вдовых – 3 мальчика и 10 девочек. В возрасте от 10 до 12 лет состоящих в браке было 14 мальчиков и 36 девочек, вдовых – 1 мальчик и 4 девочки.

Таблица 7. Распределение детей до 10 лет по вероисповеданию, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 170; ПВПН РИ 1904: 292; ПВПН РИ 1905а: 196)

	Оренбург				Самара				Пермь			
	Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет		Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет		Дети моложе 1 года		Дети от 1 до 9 лет	
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
Православные и единоверцы	1 007	972	4 760	5 121	1 313	1 352	6 061	6 257	525	504	3 032	3 209
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	32	21	141	150	59	72	320	293	2	3	19	12
Армяно- григориане	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Армяно-католики	0	0	0	0	8	9	70	75	0	0	0	0
Римско-католики	7	2	29	24	0	0	0	0	4	6	37	26
Лютеране	2	6	31	43	10	8	70	68	1	0	16	15
Реформаты	0	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0
Баптисты	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0
Меннониты	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0
Англикане	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Лица остальных христианских вероисповеданий	0	0	0	0	0	2	5	3	0	0	0	0

Караимы	0	0	0	2	0	0	3	2	0	0	0	0
Иудеи	23	15	127	118	18	18	135	125	4	10	119	109
Магометане	245	242	1 105	1 063	47	48	167	151	26	20	127	115
Лица других нехристианских исповеданий	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	1 316	1 259	6 194	6 522	1 456	1 509	6 834	6 979	562	543	3 350	3 486

В городах Оренбургской губернии из этого числа среди детей младше 10 лет, состоящих в браке, было двое – 1 мальчик и 1 девочка, вдовых в это возрасте зафиксировано не было. Среди 10–12-летних женат был 1 мальчик и вдовой была 1 девочка (ПВПН РИ, 1905: 16). Все они проживали в Оренбурге (ПВПН РИ, 1905: 18). Официальное брачное право Российской империи запрещало брачные союзы юношей до 18 и девушек до 16 лет. Однако в среде иноверцев и малых народов сохранялись собственные взгляды на заключение браков. Скорее всего, брачные союзы в таком возрасте заключались в мусульманских семьях, практикующих многоженство. Младшие жены в таких браках были, как правило, намного младше своих мужей и часто становились женами в совсем юном, практически детском возрасте. Женатые мальчики могли принадлежать к знатным мусульманским родам, в среде которых могли иметь распространение династические браки, в том числе и среди детей.

В Самарской губернии, где большинство населения было русскоязычным (и православным), среди горожан детей, которые состояли бы в браке или были вдовы, зафиксировано не было, хотя в целом по губернии 31 мальчик и 55 девочек младше 10 лет уже имели семьи, 1 мальчик и 10 девочек были вдовы. В возрасте 10–12 лет эти показатели по Самарской губернии составляли 15 мальчиков и 38 девочек, состоящих в браке, и 2 мальчика и 3 девочки овдовевших (ПВПН РИ, 1905: 20).

В Пермской губернии ни среди горожан, ни среди губернского населения в целом таких случаев зафиксировано не было (ПВПН РИ, 1904: 34). Поскольку в Перми мусульманского населения было примерно в 10 раз меньше, чем в Оренбурге, это косвенно подтверждает наши выводы о том, что чрезвычайно ранние браки были характерны именно для мусульманских семей.

Детское здоровье также было отражено в материалах Переписи (Таблица 8).

Таблица 8. Физические недостатки среди детей до 10 лет, по данным ПВПН РИ 1897 г. (ПВПН РИ, 1905: 99, 100; ПВПН РИ 1904: 160; ПВПН РИ 1905а: 107)

Всего детей		Слепых от рождения		Ослепших		Глухонемых		Немых		Всего детей с физическими недостатками	
м	д	м	д	м	д	м	д	м	д	м	д
В Оренбурге											
7 510	7 781	0	1	1	1	7	0	2	0	10	2
В Челябинске											
1 907	2 152	0	1	0	0	1	0	1	0	2	1
В Троицке											
2 329	2 546	1	0	1	3	1	0	0	0	3	3
В Самаре											
8 290	8 488	1	2	4	0	6	5	1	1	12 (+ 2)	8

										умалишенных)	
В Перми											
3 912	4 029	3	2	0	1	5	1	1	0	9	4

Опираясь на представленные данные, можно увидеть, что в Оренбурге на 15 291 ребенка приходилось 12 детей «с физическими недостатками» (0,08 %), в Челябинске на 4 059 детей – 3 ребенка (0,07 %), в Троицке на 4 875 детей – 6 (0,12 %).

Рождение детей с физическими недостатками вполне могло быть вызвано отвратительным состоянием медицинской службы в Оренбурге, особенно в той ее части, которая касалась родовспоможения. Пытаясь привлечь внимание к проблеме, в конце XIX века оренбургский журналист констатировал: «Одно из наших больших мест – недостаточность организации помощи роженицам бедного рабочего населения города, того бедного населения, в среде которого жёны вынуждены рожать в сырых полутёмных мазанках, подвалах, подчас без всякой помощи или при помощи невежественных повитух. В имеющихся двух гражданских больницах Оренбурга нет до сих пор специальных, обособленных от других отделений для рожениц. Мало того, упомянутые больницы по недостаточности в них числа кроватей постоянно переполнены и часто не только не могут принимать рожениц за неимением мест, но и вынуждены в силу этих же условий помещать рожениц поблизости с инфекционными, заразными больными. Причём один и тот же, ограниченный численностью, наличный персонал ухаживает нередко и за заразными, и за роженицами» (Цит. по: Судоргина, 2004).

В 1893 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая Всероссийская гигиеническая выставка, организаторы которой утверждали: «Если здоровый дух может находиться только в здоровом теле, то здоровое тело – в здоровом жилище, а здоровое жилище – в здоровом городе» (Александрова, 2021). Оренбург же в конце XIX века не мог похвастаться ни здоровьем городского пространства, ни здоровьем большинства городских жилищ. Подробно об этом было сказано во многих публикациях автора статьи (Бурлуцкая (Банникова), 2021; Бурлуцкая, 2022).

В Самаре на 16 778 детей приходилось 22 ребенка «с физическими недостатками» (0,13 %), а в Перми – на 7 941 ребенка – 13 детей «с физическими недостатками» (0,16 %).

Поскольку в Троицке, Самаре и Перми показатели оказались примерно одинаковыми, вызывают интерес данные по Челябинску и Оренбургу. Вряд ли эти городские центры были настолько благополучны в медицинском и санитарно-гигиеническом планах, что детские заболевания в них встречались почти в два раза реже, чем в других городах. Можно предположить, что в Челябинске и Оренбурге семьи просто чаще избавлялись от младенцев, имеющих какие-либо физические недостатки.

5. Заключение

Анализ данных, собранных в ходе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., касающихся детского населения страны, показал, что статистика конца XIX в. уделяла детям не слишком много внимания, рассматривая их как объекты воздействия взрослых в настоящем и потенциальных взрослых в будущем. Дети интересовали переписчиков, прежде всего, в плане сбора сведений о рождаемости, поскольку это напрямую было связано с общей численностью населения империи.

Кроме того, дети фигурировали в сводках, касающихся грамотности населения. В ситуации промышленной модернизации страны увеличение числа подданных, умеющих читать и писать, представляло необходимое условие для благополучной индустриализации. Составителей итогов Переписи также волновали вопросы распределения грамотных детей по сословиям и родному языку, поскольку были связаны с сословной и национальной политикой государства.

Вопросы вероисповедания детей, поднятые в материалах Переписи, помогли выявить тенденции рождаемости в различных конфессиональных сообществах, проживавших в России, и определить демографическую, а также конфессиональную политику властей. Анализ состояния детского здоровья (физические недостатки, выявленные у детей), скорее всего, давал возможность представителям власти определить потенциал будущих работников.

Кроме того, анализ указанных статистических данных дает основания для констатации существования различных вариантов «детств», зависящих от социального, поселенческого или этноконфессионального статуса ребенка. Жизнь детей ощутимо различалась в различных губерниях и даже в разных городах одного региона, а также в зависимости от сословной принадлежности юных жителей империи. Это было связано с тем, что условия детской повседневности (климат, уровень городского благоустройства, состав жителей и пр.) значительно различались от региона к региону, от города к городу, а в масштабах одного населенного пункта от сообщества к сообществу.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

Литература

- Александрова, 2021** – Александрова Л. Реклама и народное здравие // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2021. № 95 (6933). 28 мая.
- Болодурин, 2000** – Болодурин В.С. История образования в Оренбуржье: Учебное пособие для студентов и слушателей образовательных учреждений. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2000. 228 с.
- Бурлуцкая (Банникова), 2021** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «Лето Палермо и зима Архангельска». Климат как «вызов» // *«Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность / Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 77-83.
- Бурлуцкая (Банникова), 2017** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX века // *Клио*. 2017. № 7 (127). С. 80-85.
- Бурлуцкая, 2022** – Бурлуцкая Е.В. «Всё больше зависит от зубков». Дети в условиях губернского города во второй половине XIX – начале XX в. // *Домашняя повседневность населения России: история и современность / Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. СПб.: Медианапир, 2022. С. 18-24.
- Бурлуцкая (Банникова), 2018** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 105-120.
- Вишневский, 1977** – Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР / Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Под ред. Вишневского А.Г. М.: Статистика. 1977. С. 105-134.
- Вишневский, 2005** – Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 368 с.
- Кенигсберг, 1886** – Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. С картой города, таблицами и диаграммами. Дис. ... д-ра мед. наук. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1886. 202 с.
- Куркин, 1902** – Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М.: Моск. губ. земство, 1902. 562 с.
- Майорова-Щеглова, Колосова, 2018** – Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 62-69.
- Миронов, 2006** – Миронов Б.Н. Новая историческая демография имперской России (Ч. I): аналитический обзор современной литературы // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2006. № 4. С. 62-90.
- Миронов, 1999** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
- Нечаев, 2008** – Нечаев М.Г. Пермская модель народного образования XVIII – начала XX вв. / *История и школа: традиция, открытая будущему: Материалы науч.-практ. конф.* Пермь: ОТиДО, 2008. С. 39-62.
- Новосельский, 1916** – Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Тип. М-ва вн. дел, 1916. 208 с.
- Однодневная перепись, 1878** – Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г.: статистический очерк, составленный непрем. чл., и. д. секр. Оренбург. губ. стат. ком. П.Н. Распоповым. Оренбург: Типография А. Хохловой, 1878. 86 с.
- ПВПН РИ, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXXI: Пермская губерния. СПб.: Типография Соб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России, 1904. 301 с.
- ПВПН РИ, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том VIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества художественной печати», 1905. 198 с.
- ПВПН РИ, 1905а** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том VI: Самарская губерния. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905. 220 с.
- Погребинская, 2008** – Погребинская В.А. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) // *Российское предпринимательство*. 2008. № 10–1. С. 52-56.
- Рашин, 1956** – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Столпянский, 1908** – Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд-во Оренбургской губернской типографии, 1908. 372 с.

- Судоргина, 2004** – Судоргина Т.В. «Для рожениц из бедного населения» // *Вечерний Оренбург*. 2004. № 10. 3 марта.
- Филипова, 2010** – Филипова А.Г. От государственных докладов о положении детей к социологии детства // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2010. № 1–2 (1). С. 98–102.
- Qvortrup et al., 1991** – Qvortrup J. Childhood as a social phenomenon // *Eur. Centre for Social Welfare Policy and Res. Budapest*. Viena, 1991. 43 p.

References

- Aleksandrova, 2021** – Aleksandrova, L. (2021). Reklama i narodnoe zdravie [From State reports on the situation of children to the sociology of childhood]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 95 (6933). 28 maya. [in Russian]
- Bolodurin, 2000** – Bolodurin, V.S. (2000). Istoriya obrazovaniya v Orenburzh'e: Uchebnoe posobie dlya studentov i slushatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii [The history of education in Orenburg region: A textbook for students and students of educational institutions]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 228 p. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2021** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2021). «Leto Palermo i zima Arkhangel'ska». Klimat kak «vyzov» [«Summer of Palermo and winter of Arkhangel'sk». Climate as a «challenge»]. «Vyzov» v povesednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. *Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Otv. red. V.A. Veremenko. T. 2. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 77–83. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2017** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2017). Detskaya smertnost' v kupecheskikh sem'yakh Orenburga vtoroi poloviny XIX veka [Infant mortality in merchant families of Orenburg in the second half of the XIX century]. *Klio*. 7(127): 80–85. [in Russian]
- Burlutskaya, 2022** – Burlutskaya, E.V. (2022). «Vse bol'she zavisit ot zubkov». Deti v usloviyakh gubernskogo goroda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [«It depends more and more on the teeth». Children in the conditions of a provincial city in the second half of the XIX – early XX century]. *Domashnyaya povesednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' / Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Otv. red. V.A. Veremenko. T. 2. SPb.: Mediapapir. Pp. 18–24. [in Russian]
- Burlutskaya (Bannikova), 2018** – Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2018). Soslovnyi sostav gorodskogo naseleniya Orenburgskoi gubernii i sotsiograficheskie kharakteristiki ego zhenskoj sostavlyayushchei, po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The stratum composition of the urban population of the Orenburg Province and the sociographic characteristics of its female component according to the First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(26): 105–120. [in Russian]
- Vishnevskii, 1977** – Vishnevskii, A.G. (1977). Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaiemosti v SSSR [Early stages of the formation of a new type of fertility in the USSR]. *Brachnost', rozhdaiemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Pod red. Vishnevskogo A.G. M.: Statistika. Pp. 105–134. [in Russian]
- Vishnevskii, 2005** – Vishnevskii, A.G. (2005). Izbrannye demograficheskie Trudy. T. 1: Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya [Selected demographic works. Vol. 1: Demographic theory and demographic history]. M.: Nauka, 368 p. [in Russian]
- Kenigsberg, 1886** – Kenigsberg, M.M. (1886). Opyt mediko-topograficheskogo issledovaniya gor. Orenburga. S kartoi goroda, tablitsami i diagrammami [Experience of medical and topographic study of mountains. Orenburg. With a city map, tables and diagrams. Dissertation for the degree of Doctor of Medicine]. Dis. ... d-ra med. nauk. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya (I.A. Efrona), 202 p. [in Russian]
- Kurkin, 1902** – Kurkin, P.I. (1902). Statistika dvizheniya naseleniya v Moskovskoi gubernii v 1883–1897 gg. [Statistics of population movement in the Moscow province in 1883–1897]. M.: Mosk. gub. zemstvo, 562 p. [in Russian]
- Maiorova-Shcheglova, Kolosova, 2018** – Maiorova-Shcheglova, S.N., Kolosova, E.A. (2018). Deti i detstvo kak ob"ekty sotsiologicheskikh issledovaniy [Children and childhood as objects of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3: 62–69. [in Russian]
- Mironov, 2006** – Mironov, B.N. (2006). Novaya istoricheskaya demografiya imperskoi Rossii (Ch. I): analiticheskii obzor sovremennoi literatury [The New Historical Demography of Imperial Russia (Part I): an analytical review of modern literature]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4: 62–90. [in Russian]
- Mironov, 1999** – Mironov, B.N. (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia of the empire period. XVIII – early XX centuries: Genesis of personality, democratic family, civil society and the constitutional state]. V 2 t. T. 1. SPb.: Dmitrii Bulanin, 548 p. [in Russian]
- Nechaev, 2008** – Nechaev, M.G. (2008). Permskaya model' narodnogo obrazovaniya XVIII – nachala KhKh vv. [Perm model of public education of the XVIII – early XX centuries]. *Istoriya i shkola: traditsiya, otkrytaya budushchemu: Materialy nauch.-prakt. konf.* Perm': OTiDO. Pp. 39–62. [in Russian]

- Novosel'skii, 1916** – *Novosel'skii, S.A.* (1916). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and life expectancy in Russia]. Petrograd: Tip. M-va vn. del, 208 p. [in Russian]
- Odnodnevnaya perepis', 1878** – Odnodnevnaya perepis' naseleniya g. Orenburga, proizvedennaya 21 dekabrya 1875 g.: statisticheskii ocherk [One-day population census of Orenburg, conducted on December 21, 1875: statistical essay]. Sostavlennyi neprem. chl., i. d. sekr. Orenburg. gub. stat. kom. P.N. Raspopovym. Orenburg: Tipografiya A. Khokhlovoi, 1878. 86 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1904** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXI: Perm Governorate]. Tom. XXXI: Permskaya guberniya. SPb.: Tipografiya Sob. akts. obshch. pech. i pischebum. dela v Rossii, 1904. 301 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate]. Tom VIII: Orenburgskaya guberniya. SPb.: Tipografiya «Tovarishchestva khudozhestvennoi pechati», 1905. 198 p. [in Russian]
- PVPN RI, 1905a** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXVI: Samara Governorate]. Tom VI: Samarskaya guberniya. SPb.: Parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1905. 220 p. [in Russian]
- Pogrebinskaya, 2008** – *Pogrebinskaya, V.A.* (2008). Dinamika i demograficheskaya struktura naseleniya kak faktor nachala industrializatsii Rossii (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX veka) [Dynamics and demographic structure of the population as a factor of the beginning of industrialization of Russia (the last third of the XIX – early XX century)]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 10–1: 52–56. [in Russian]
- Rashin, 1956** – *Rashin, A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Pod red. akad. S.G. Strumilina. M.: Gosstatizdat, 352 p. [in Russian]
- Stolpyanskii, 1908** – *Stolpyanskii, P.N.* (1908). Gorod Orenburg: Materialy k istorii i topografii goroda [The city of Orenburg: Materials for the history and topography of the city]. Orenburg: Izd-vo Orenburgskoi gubernskoi tipografii, 372 p. [in Russian]
- Sudorgina, 2004** – *Sudorgina, T.V.* (2004). «Dlya rozhenits iz bednogo naseleniya» ["For women in labor from the poor population"]. *Vechernii Orenburg*. 10. 3 marta. [in Russian]
- Filipova, 2010** – *Filipova, A.G.* (2010). Ot gosudarstvennykh dokladov o polozhenii detei k sotsiografii detstva [From State reports on the situation of children to the sociology of childhood]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1–2 (1): 98–102. [in Russian]
- Qvortrup et al., 1991** – *Qvortrup, J.* (1991). Childhood as a social phenomenon. *Eur. Centre for Social Welfare Policy and Res. Budapest*. Viena, 43 p.

Дети в составе населения Оренбурга, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение детства в настоящее время представляет собой сравнительно новое направление научных исследований. Оно осуществляется в рамках различных подходов (юридического, педагогического, демографического, социокультурного, историко-социологического и пр.), ставящих своей основной целью выявление правового статуса ребенка, «границ» детства, воспитательных практик в отношении детей, детской субкультуры и т.д.

Во многих современных исследованиях ребенок воспринимается в качестве самостоятельного социального субъекта, который, как и взрослые люди, испытывает на себе влияние различных социальных событий, которые обуславливают динамику эволюции детства, предопределяют тенденции в развитии детей в самых разных сферах их жизнедеятельности.

Комплексное исследование положения детского сообщества в общем составе социума применительно к достаточно удаленным от нас эпохам требует обращения к источникам самого разного плана. Одним из таких источников могут выступать материалы статистики, позволяющие через социографический анализ определить основные показатели социального состояния детства. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в этом контексте дают возможность не только получить основные демографические данные, касающиеся детей как особой социальной группы (общая численность, доля в общем числе населения и пр.), но также определить

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая)

уровень детской грамотности, выяснить этнический и конфессиональный состав детского сообщества. Сравнение аналогичных показателей по разным российским регионам приводит исследователя к выявлению региональной специфики детства.

Выявленные особенности локальных детских миров доказывают тезис о множественности «детств» даже в условиях одного хронологического этапа и одного региона. Дети, принадлежавшие к различным сословным, этническим и конфессиональным сообществам, находились в разных условиях, вели разный образ жизни, различались качеством жизни.

Ключевые слова: дети, детство, провинция, социография, Первая всеобщая перепись населения, Оренбургская губерния.